

Рязань
Издатель Ситников
2007

Людмила
Дмитренко

«ПОЭТ, АГРОНОМ
И ЧУДАК»

ББК 84
Д53

Дмитренко Л.М.
Д53 «Поэт, агроном и чудак»: документально-художественное издание / ред. И.К. Красногорская; худож. Т.С. Полищук. – Рязань: Издатель Ситников, 2007. – 96 с.: ил.

ISBN 978-5-902420-15-6

Эта книга о Фёдоре Михайловиче Зорине, человеке, рождением и почти двадцатью годами жизни связанным с Рязанским краем. На родине он получил первые навыки в профессии садовода. Потом работал в городе Козлове у известного селекционера И.В. Мичурина, тоже рязанца. Судьба всё дальше и дальше уводила Зорина от родины и, наконец, привела в Сочи. В этом прекрасном городе он жил и работал до конца своих дней, стал видным учёным-селекционером, создателем уникального Дерева Дружбы, символа единения народов планеты в борьбе за мир.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 84

ISBN 978-5-902420-15-6

© Издатель Ситников, 2007
© Дмитренко Л.М., текст, 2007
© Полищук Т.С., оформление, 2007

Несколько строк от автора

В 1964 году известный плодовод-селекционер, создатель уникального Дерева дружбы Фёдор Михайлович Зорин подарил мне свою книжку по селекции цитрусовых и сказал: «А это тебе мой диплом – диплом университета жизни». Тогда мне было 26 лет и впереди была ещё длинная трудовая дорога. Одиннадцать с половиной лет мне довелось работать под его началом. Он многому меня научил: и не только искусству выращивать и прививать деревья, но и ориентироваться в жизни, научил терпению и оптимизму, которые никогда не позволяли мне унывать. В 1967 году он покинул наш мир.

Тридцать пять лет в саду уже без него были сложными и напряжёнными, наверное, потому, что и стране было нелегко. Но сотни, а может, и тысячи друзей сада Дружбы (в том числе и рязанцы – земляки Ф.М. Зорина) помогли устоять и выжить ему в это сложное время. Всем им низкий поклон.

Как человек, долгие годы работавший в саду, я должна сказать: если бы не было Зорина, талантливого учёного и замечательного человека, не было бы и единственного в мире дерева-символа – Дерева Дружбы, к ветвям которого прикоснулись руки людей 167 стран мира. О них, о Фёдоре Михайловиче, о Дереве дружбы, о людях, создававших его, моя документальная повесть. В неё вошли воспоминания сестры Фёдора Михайловича, Марии Михайловны Зориной, его друзей и просто тех, кому однажды довелось встретиться с ним в саду, мои дневниковые записи. Несколько эпизодов из жизни Фёдора Михайловича мне удалось записать по его рассказам, но он этого не знал.

«Дорогу ОСИЛИТ ИДУЩИЙ»

Отец и мать Ф.М. Зорина

Он родился в 1904 году на исходе весны в прекрасную пору цветения садов и лугов, 28 мая, в семье сельского священника Михаила Ивановича Зорина и был назван в честь преподобного Фёдора, тезоименитство которого приходилось на следующий день.

Мать его Мария Дмитриевна была доброй, общительной, жизнерадостной. И, видимо, эти качества сын унаследовал от неё.

У Зориных были ещё дети. Сестра Фёдора Михайловича, Мария Михайловна, вспоминала:

«Я была старшей, второй был Дмитрий, Фёдор – самый младший.

Мы жили в довольно захолустном селе Рязанской губернии (село Красное Новодеревенского района Рязанской области. – М.Д.), и каждый прохожий или проезжий был целым событием. По пыльным дорогам проезжали телеги, иногда можно было увидеть тарантас, в который была запряжена одна лошадь. Экипаж с парой или тройкой лошадей давал тему для разговоров на весь день.

И вдруг – автомобиль! Мы знали, что это такое по рассказам взрослых, по картинкам в журналах и газетах. Недалеко от нас, в селе Алешне, было имение царского министра. Сам он никогда там не жил, а летом приезжала его дочь, немолодая и некрасивая девушка. Она часто ездила верхом, в длинной амазонке и низеньком цилиндре, с хлыстом в руке. Обычно её сопровождал берейтор. Про неё ходили слухи, что она добрая, даёт ребятам деньги на конфеты и пряники.

Мы целыми днями были на улице. Речка и выгон – любимые места детских сборищ. Лесов и садов в округе было очень мало. Мне было 12 лет, когда я, услышав крики на улице, выбежала со двора и впервые увидела автомобиль. Он был открытый, двигался медленно, да вряд ли большая скорость была для него возможна. Дочь министра сидела рядом с шофёром, а за ними, вздымая ногами облако пыли, мчались ребяташки. Когда машина проехала и пыль улеглась, обнаружился наш Федька, лежащий на обочине, еле живой от усталости. Все мальчишки давно отстали от автомобиля, а он был упорен и бежал до тех пор, пока не свалился с ног».

Фёдор Михайлович тоже вспоминал свои детские годы:

«Мой отец очень любил книги, был образованным и честным человеком, но совершенно бесхозяйственным. Хуже хаты, чем наша, в селе не было, да и хозяйство такое же... Был он священник, а его однажды (еще до революции 1917 года) чуть не арестовали и не лишили духовного звания за то, что обнаружили у него запрещённую

литературу. И имел-то он её по своей любознательности, а по рассеянности забыл спрятать.

Я очень любил отца. Но для меня всегда тяжёлым бременем было его звание священника. И он это понимал.

Однажды, когда я в другом селе начал учиться в сельскохозяйственной школе, некоторые из учащихся узнали о профессии моего отца и жестоко меня избили. Я тогда убежал из школы и, думая, что больше не вернусь в неё, пришёл домой и всё рассказал отцу. Мне больно было видеть, как опустил он голову, как задумчив и полон горечи стал его взгляд, как задрожали руки, когда он потянулся за платком, чтобы протереть очки... А утром он велел мне снова собрать сумку, одеться, вывел на дорогу и сказал: «Иди, сынок, учись! Пробивай дорогу сам. Я тебе дать ничего не могу, кроме моего звания, которое всегда будет мешать тебе. И запомни одну старую истину: «Дорогу осилит идущий»».

Я часто вспоминаю те минуты расставания с отцом и благодарен ему за них. Он поступил правильно.

И я ушёл... Тяжело мне было возвращаться в школу, но вернулся. Меня снова побили, изорвали весь мой матрац, написали на стенке у кровати бранные слова. Я опять плакал. Но, кажется, в тот вечер плакал последний раз в жизни. Упрямо лёг на свое место. У меня была шинель, одну полу постелил вместо матраца, другой – укрылся.

С тех пор все силы свои я направлял на то, чтобы хорошо учиться. Школу окончил».

Он закончил Большеалешинское училище, потом в 1926 году Рязанский сельскохозяйственный техникум, отделение по садоводству.

В конце 20-х годов XX века работал в городе Козлове в саду одного из основоположников научной селекции сельскохозяйственных культур Ивана Владимировича Мичурина.

«А было это так, – рассказывал Фёдор Михайлович. – После экскурсии в мичуринский сад с учащимися Рязанского сельскохозяйственного техникума я твёрдо решил, что нет для меня иного пути в жизни, как через сад козловского волшебника, понял, что должен узнать секреты его труда.»

Фёдор Михайлович умолчал об эпизоде, который предшествовал этой экскурсии. Его привела в очерке Екатерина Семёновна Черненко:

«Шёл 1926 год. В основной питомник приехали студенты Рязанского сельскохозяйственного техникума. Им сказали, что Мичурин нездоров и принять их не сможет.

– А вы передайте Ивану Владимировичу, что его хотят видеть не просто какие-то студенты, а студенты – земляки. Нам он не отка-

жет,— настойчиво просил сотрудницу высокий нескладный юноша с пытливыми глазами.

Александра Семёновна Тихонова — племянница и ближайшая помощница И. В. Мичурина, пообещав, ушла. А через некоторое время студенты радостно смотрели на приближавшегося к ним старичка в кремовом пиджаке и серой фетровой шляпе. Рядом бежала маленькая собачка.

— Ну, здравствуйте, земляки! Кто же из вас нашёл верный способ заставить меня выйти из дому? — улыбаясь спрашивал Иван Владимирович.

— Это всё Фёдор Зорин. Жить не мог без того, чтобы не увидеть вас,— ответил один из студентов.

— Хорошо, теперь жить будет... Садитесь вокруг стола, побеседуем,— предложил И.В. Мичурин.

Эта встреча определила дальнейшую судьбу Фёдора Михайловича Зорина».

Дальше, по его словам, события разворачивались так:

«Окончив техникум, я приехал к Мичурину. И произошёл у нас такой разговор:

— Вот приехал к вам... Работать...

— Вас что же, командировали сюда? — удивился Иван Владимирович.

— Нет, сам...

— К сожалению, в штате места нет.

— Разрешите — я чёрнорабочим пока...

— Да платить-то вам кто будет?

— Можно и без зарплаты.

Мичурин с сомнением оглядел меня: видимо, моя внешность не очень уверила его, что я смогу работать бесплатно. Я был длинный и худой, в изрядно поношенной одежде. Но он поверил моему горячему желанию познать сад, которое лучше слов выражали мои глаза, и сказал:

— Ну вот что, оставайтесь! Что-нибудь да придумаем.

И придумал: я стал рабочим-практикантом.

Мне очень хотелось научиться у Мичурина выводить новые сорта растений, видеть их так, как умел видеть и понимать их он. Решил, что если мне удастся подсмотреть, как наблюдает Иван Владимирович за своими питомцами, то я узнаю главный секрет его волшебства. Важно, чтобы он не подозревал о моём намерении.

Я знал, что каждое утро Мичурин совершает обход своего сада. Но он всегда ходил с собачкой, и это усложняло мою задачу. Чтобы собачка привыкла ко мне, я ежедневно стал приносить ей какое-ни-

И.В. Мичурин

И.В. Мичурин
на прогулке в саду

будь лакомство. Наконец, отважился: ранним утром засел в кустах и стал ждать.

Наступал рассвет. Словно из уходящей ночи на дорожку вышел учёный. Он шёл, опираясь на палку, немного прихрамывая. Впереди него бежала его любимица Белка. Она сразу же учуяла моё присутствие, свернула к кустам, где я скрывался, молча обнюхала меня, вильнула хвостом и побежала дальше. На душе у меня отлегло: остался незамеченным.

Мичурин шёл от дерева к дереву, внимательно осматривая их. Возле одного задержался, что-то записал и повесил этикетку. Затем продолжил свой путь. Когда он скрылся из вида, я подошёл к отмеченному растению. Долго рассматривал его, но ничего особенного в нём не заметил и пришёл к выводу: чтобы уметь видеть малейшие изменения в растениях, понимать их природу, необходимо ежедневно общаться с ними, и нужны годы труда, чтобы обрести опыт и волшебство, какие имел Мичурин».

Насколько я поняла, Федор Михайлович многое сумел почерпнуть у Мичурина. Во-первых, перенял великую любовь к природе, умение понимать своих бессловесных питомцев, привычку ранним утром делать обход сада, чтобы почувствовать его дыхание, убедиться, что оно ровное, здоровое или в противном случае принять незамедлительные меры, чтобы восстановить его нормальный ритм; во-вторых, усвоил ряд мичуринских приёмов в селекции растений.

После отъезда из Козлова у него не прерывались добрые творческие отношения с Мичуриным. Как-то он даже получил от своего наставника приветственную телеграмму.

Пребывание в Козлове изменило и личную жизнь Фёдора Михайловича. Там он познакомился с учёным-селекционером Семёном Федоровичем Черненко, стал бывать в его доме. Жена Черненко Наталья Яковлевна была гостеприимной, доброй и заботливой. Юноша нашёл в их семье внимание и тепло, которых ему так не доставало тогда, вдали от родного дома. А главное – нашёл там любовь. У Черненко была дочь Юлия, младше Зорина на шесть лет, она начинала тогда учёбу в институте. Молодые люди полюбили друг друга, но решили подождать с женитьбой до тех пор, пока девушка не закончит институт.

Горы и горцы

Из Мичуринска Зорин перешёл на работу в Северную Осетию. Ему приходилось много ездить, изучать садоводство горных районов, искать пути для его развития. Об одной из таких поездок в горный аул он однажды и рассказал:

«В 1930 году я приехал во Владикавказ работать окружным агрономом. Мне дали нагрузку – быть инспектором, проверять проведение сельскохозяйственных работ. Инспектирование – обязанность нелегкая: как правило, те, чью работу надлежит проверить, ждут от инспектора одних неприятностей и настораживаются. Да и сами инспектора обычно относятся к проверяемым заведомо предвзято, подозревают, что они готовы им «пыль в глаза пустить». К счастью, у меня с моими подопечными сложились совсем иные отношения. Может быть, потому, что начинаешь говорить с людьми и сразу чувствуешь какое-то расположение к ним. Теперь, после прочтения книги Данина «Неизбежность странного мира», я понимаю, отчего это происходит. Какая-то притягательная сила возникает между людьми, а точнее волны одной длины. Работая с горцами, я никогда не чувствовал неприязненного, шовинистического отношения к себе.

Однажды, когда я должен был ехать километров за двадцать в горы, мне дали проводника осетина. Он совершенно не знал русского языка, а я – осетинского. Мы ехали молча. Иногда он мне указывал дорогу знаками. Порой мне становилось жутко: на десятки километров – ни души, тишина, горы, и мы верхом на лошадях.

А горы были величественные: будто какие-то каменные исполины устремились далеко в небо. Мы по сравнению с ними – козявки... На закате солнца вершины их стали розовыми.

Так мы ехали до наступления темноты. И вот показалась юрта. Откуда-то с горы на нас кинулось штук пятнадцать собак. Они были злые, как волки. Казалось, стянут с лошади и растерзают. Проводник что-то прокричал им, и они нехотя удалились обратно.

Мы подъехали к юрте. Подле неё были разложены красные угли, на которых пёкся кукурузный чурек, в глиняном черепке коптилось масло, а вокруг сидели незнакомые и мрачные горцы. Я сел возле них.

Испёкся чурек. Из висевшего рядом курдюка они разлили по кружкам, как я понял, кумыс. Старший из них разрезал чурек. Посудину с кумысом и кусок чурека поднесли и мне. Свежеиспечённый чурек очень вкусный. Я стал есть вместе со всеми. И с этого момента почувствовал, что они меня не обидят, почувствовал, что мы стали ближе друг другу.

Утром я должен был осмотреть бурты с картофелем. Убедился, что засыпаны они хорошо, и картофель не портится. А потом хозяева меня опять угощали, теперь уже варёным картофелем и кумысом. Я пил его с удовольствием. Хозяева добродушно посмеивались над моим незнанием их языка и обычаев. Я не обижался. Между нами сложились тёплые отношения.

Мне иногда приходилось преподавать на курсах осетинам, чеченцам, ингушам. И вот однажды один из моих учеников отказался назвать свою фамилию.

– Почему? – удивился я.

– Я «кровник», – лаконично и обыденно ответил он.

Тогда ещё очень сильный был обычай кровной мести. Мне стало жаль его, этого чеченского юношу. Ну как жить, ожидая, что тебя могут каждую минуту, даже не знаешь кто, убить? Я стал больше, чем другим, оказывать ему внимания: иногда после занятий останусь с ним, покажу ему способы прививки растений. Он почувствовал моё расположение, а я уже не рад был этому. Стоило кому-нибудь при нём сказать что-либо против меня, как чеченец бросался на него, и дело могло дойти до кинжалов, чего я, конечно, совсем не хотел».